

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. — М., Изд-во АН СССР, 1953. 280 стр. (Ин-т языкознания.)

Среди немногочисленных учебников и учебных пособий по общему языкознанию, доступных широкому кругу читателей и учащейся молодежи, безусловно полезной и оригинальной по своему плану является новая книга проф. Р. А. Будагова «Очерки по языкознанию»¹.

Автор ее известен нам как специалист по романским языкам и филолог, проявляющий особый интерес к области лексикологии и стилистики. В связи с этим кругом интересов автора находится и то обстоятельство, что одна треть «Очерков по языкознанию» целиком посвящена лексикологии (стр. 9—99).

Рассматриваемое здесь пособие по языкознанию состоит из пяти глав: I. «Основной словарный фонд и словарный состав языка» (стр. 9—99); II. «Некоторые особенности звуков речи» (стр. 100—129); III. «Грамматический строй языка» (стр. 130—224); IV. «Происхождение языка» (стр. 225—247); V. «Развитие языков и их классификация» (стр. 248—280). Кроме того, книге предпослано очень краткое «Предисловие» (стр. 4), за которым следуют «Несколько вводных замечаний» (стр. 5—8).

Ни по величине, ни по содержанию названные разделы не являются соизмеримыми и равноценными. Наиболее оригинальными и содержательными следует признать главы «Основной словарный фонд и словарный состав языка» и «Грамматический строй языка», по объему наиболее значительные в «Очерках». Однако не случайным является в «Очерках» то, что раздел о лексике занимает первое место. Автор совершенно правильно считает, что при расположении материала в порядке возрастающей трудности уместно начать именно с наиболее наглядного, доступного непосредственному наблюдению читателя, обнаруживающего интерес к фактам языка.

В том, что автор объединил в одной главе (третьей) морфологию и синтаксис (последнему уделено вообще мало внимания), назвав ее «Грамматический строй языка», обнаруживается его своеобразное понимание грамматического строя. Согласно этому пониманию, фонетика не является такой же равноправной частью грамматического строя, как морфология и синтаксис. Мы не склонны соглашаться с этим воззрением, потому что фонетика, по нашему мнению, так же тесно связана с морфологией и с синтаксисом, как эти последние связаны друг с другом.

В «Очерках по языкознанию» ставится на рассмотрение столько интересных и в то же время спорных вопросов, что у нас нет возможности хотя бы перечислить их. Здесь мы ограничимся только отдельными замечаниями относительно разделов: 1) о лексике (глава 1-я) и о грамматическом строе языка (глава 3-я), в связи с чем выскажем наши соображения об основном понятии лексикологии — о слове; 2) о фонетике (глава 2-я); 3) о развитии языков (глава 5-я) и о возникновении языка (глава 4-я), где мы остановимся на вопросе о сравнительно-историческом языкознании и сравнительно-историческом методе (ср. глава 5-я, § 2), так как считаем, что этот вопрос не занял подобающего ему места в «Очерках по языкознанию».

1

Как уже отмечалось, глава об основном словарном фонде и словарном составе языка принадлежит к лучшим разделам «Очерков». В ней дается представление о том, что такое слово (о «значении слова» см. ниже), термин, абстрактность, конкретность, синоним, омоним, антоним, «внутренняя форма» (= этимологическая структура), неологизм, архаизм, табу, эвфемизм, словосочетание, идиома, заимствование, калька.

Здесь говорится о противопоставлении основного словарного фонда — как наиболее устойчивой части словарного состава — наиболее изменчивой его части,

¹ Общая оценка книги дана в рецензии В. П. Сухотина («Вестник АН СССР», М., 1954, № 1, стр. 121—126). — *Ред.*

о двойственности этого противопоставления: 1) в исторической перспективе и 2) на данной ступени развития какого-либо языка.

Остается только высказать пожелание о том, чтобы в следующем издании «Очерков» в этот раздел было внесено пояснение о правильном понимании выражения «основной словарный фонд». Важно понять, что нельзя взять, например, «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым (под ред. акад. С. П. Обнорского), и разделить все содержащиеся там 52 тыс. слов на принадлежащие к основному словарному фонду и не принадлежащие к нему. По самому существу основного словарного фонда, который обнаруживается не в статике, а в динамике, нельзя установить границы, во всех случаях отделяющей его от остальной части словарного состава.

Нельзя согласиться с изложением вопроса о кальках (стр. 89—90). Во-первых, туманным является само определение: кальки — «это слова, формирующиеся по образцу структуры соответствующих иностранных слов, но не заимствуемые их материальной основой». Что же такое «структура» слов, не связанная с их «материальной основой»? Речь идет, конечно, об этимологической структуре слов, но в определении не сказано об этом с надлежащей ясностью. Во-вторых, почему-то не упоминается о различии между кальками лексическими и фразеологическими.

Едва ли перевод русского слова *пятилетка* на другие языки можно назвать «калькой»: ведь нельзя это слово перевести без выражения понятий «пять» и «лето — год». Не является также «калькой», например, перевод на многочисленные языки мира русского словосочетания «Великая Октябрьская социалистическая революция».

Лексические кальки не очень удачно называются «чисто структурными кальками» (стр. 90).

Не совсем удачен вопрос на стр. 132: «Что может означать мысль, выраженная такими тремя словами: *идти, университет, книги*? Ведь мысли здесь как раз нет, но есть три понятия, выраженные соответствующими словами. Только при определении отношений упомянутых понятий можно будет говорить о «мысли», выраженной «простым рядом слов».

Нет необходимой ясности в вопросе о морфологическом членении слова. Об аффиксах сказано, что они «являются своеобразными морфемами» (стр. 141). Почему же корень — это не своеобразная морфема? Определение корня лишено исторического подхода. Если корень — «это основная смысловая часть слова без аффиксов» (стр. 141), то где же корень в слове *вынуть*, которое в исторической перспективе имеет только аффиксы (*вы-, -ну-, -ть*). Ясно, что в описательном и в историческом языкознании корень — это не одно и то же (ср. в описательном языкознании членение: *вын-уть*).

Относительно «флексий» следовало бы сказать, что надо различать: 1) изменение слов и 2) аффиксы словоизменения (формообразования). В связи с этим стало бы понятным различие между флексией «внешней» (формообразовательными аффиксами) и «внутренней» (фонетическими видоизменениями корня или основы).

Полезно было бы упомянуть о так называемом «характере основы» в связи с делением аффиксов на продуктивные и непродуктивные.

Едва ли есть необходимость заменять слово «понятие» таким выражением, как «лексические смыслы» (стр. 144). Также наряду с термином «аффикс» едва ли нужен его синоним «формант» (стр. 146).

Непонятным остается (там же) утверждение: «Вот почему мы говорим о специфике грамматической семантики — семантики категорий — по сравнению с семантикой лексической, с семантикой отдельных слов». Ясно, что можно различать «лексические» и «грамматические» понятия, выраженные разными способами в языке. Однако не подлежит сомнению и то, что «грамматические понятия» могут выражаться как формами слов, так и отдельными словами (например, местоимениями, предлогами, союзами, частицами и пр.). Таким образом, есть грамматические категории, выражаемые именно отдельными словами.

Нельзя согласиться с определением «семантического диапазона» имен существительных (стр. 167): «Имя существительное выражает предметность в широком смысле этого слова». Если в слове *радость* есть какая-то неопределенная «предметность», то почему же ее нет в слове *радоваться* и т. п.? В языках, где нет формального различия между именами и глаголами, «предметность» оказывается в подобных случаях просто неуловимой (ср., например, малайское *sukahati* «рад, радоваться, радость» и т. д.). Жаль, что проблема сушлетивизма (важная для учения о слове и его формах) рассматривается только в связи с грамматической категорией местоимений (стр. 184—190). Остается пожалеть также и о том, что из рассмотрения этой проблемы не сделано тех выводов, которые являются весьма существенными для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

Ничем не оправдано в разделе о глаголе (стр. 190 и сл.) то, что автор обошел молчанием такую интересную грамматическую категорию, как категория залога.

Слишком абстрактно и суммарно рассматривается вопрос о наклонениях (стр. 199—205). При этом так называемое «желательное наклонение» (оптатив) почему-то оказы-

вается «в системе конъюнктива» (стр. 201). Для тех индоевропейских языков, где названные здесь наклонения последовательно противопоставлялись, такое утверждение лишено оснований.

На примерах из древнегреческого языка можно было бы показать, что такое *coniunctivus* (*volitivus, deliberativus, prospectivus*) и *optativus* (*desiderativus, potentialis, praescriptivus*), можно было бы показать особенности повелительного наклонения и т. д.

Среди положительных сторон «Очерков по языкознанию» следует отметить широкое использование в них удачно подобранных примеров из художественной литературы. Этот иллюстративный материал не только украшает книгу, но и облегчает читателю понимание, служит для популяризации науки. Весьма положительным фактом является также и то, что автор широко использует достижения отечественного и советского языкознания, дает примеры, взятые только из надежных источников².

Основным понятием лексикологии, конечно, является «слово». Нет сомнения в том, что нельзя дать универсального, т. е. годного для всех языков и всех времен, определения этого понятия. При определении этого понятия (на данной ступени развития данного языка) следует учитывать особенности грамматического строя языка, о котором идет речь. При чтении «Очерков» об этой основной величине лексикологии создается представление как о форме, произвольно наполняемой почти каким угодно содержанием. Подобное же представление, к сожалению, можно найти в других учебниках и учебных пособиях, не учитывающих освещение этого вопроса в таком, например, труде, как книга акад. В. В. Виноградова «Русский язык»³.

Так как мы не считаем, что вопрос о слове должен даже в учебной литературе решаться в ущерб ясному пониманию природы этого основного понятия лексикологии, нас не может удовлетворить в «Очерках по языкознанию» изложение так называемой «проблемы полисемии». Однако надо признать, что подобным же образом эта проблема излагается в большинстве учебников и учебных пособий.

В этой области необходимо внесение ясности на основе учения классиков марксизма-ленинизма о диалектическом единстве формы и содержания в языке. Обычно у нас рассматривают изменения слова только с точки зрения формы. Фонетические изменения формы (качества, количества и взаиморасположения звуков) признаются «изменением слова» (например: *сънь* > *сон*; *дѣнь* > *день*; *лѣсъ* > *лес*; *сѣдѣ* > *суд*; *пѣть* > *пять*; *сѣдь* > *сель*; *осмь* > *восемь* и т. п.).

Напротив, самые существенные изменения слов, изменения в их содержании, считаются только «изменениями значений», а не самих слов (например: *цвѣтъ* «цветок» > *цвет* «окраска»; *село* «поле» > *село* «селение»; *столъ* «кресло» > *стол* — ср. польск. *stół*; *брань* «битва» > *брань* «ругань»; *виноградъ* «виноградник» > *виноград* — ср. польск. *winogrona*; *жизнь* > *жизнь* «чрево, брюхо»; *лѣто* «год» > *лето* «летние месяцы»; *глаголь* «слово, речь» > *глагол* — ср. польск. *słownik*).

Всякое слово данного языка (здесь не подразумеваются собственные имена) выражает простое для данного языка понятие. Оговорку следует сделать только относительно составных слов. Если еще сохраняется связь их составных частей с соответственными простыми словами (т. е. ясна их этимологическая структура), они могут выражать сложные понятия.

Большинство понятий, выраженных словами, состоит из нескольких признаков. В сочетаниях слов (в контекстах) выделяется то один, то другой признак (соответственно — несколько из общего числа признаков, составляющих данное понятие). Как известно, слова, выражающие родственные понятия, содержащие много общих признаков, называются относительными синонимами (например: *чертить* — *рисовать*; *склянка* — *флакон*; *красный* — *алый*; *гроза* — *буря*; *ветер* — *вихрь*; *кровать* — *постель*), а слова, выражающие тождественные (совпадающие по всем признакам) понятия, — безотносительными (абсолютными) синонимами (например: *рыть* — *копать*; *сталь* — *булат*; *пес* — *собака*; *чудо* — *диво*; *словарь* — *лексикон*; *языкознание* — *лингвистика*).

Злоупотребление неопределенными выражениями «значение» слова и «оттенки значения» слова приводят к неправоначальному пониманию содержания слова. В слове следует различать фонетическую форму и смысловое содержание (о чем будет сказано ниже). В фонетической форме слова надо учитывать стороны материальную, акустическую (или, соответственно, — графическую) и фонологическую, т. е. свойственное

² Как весьма отрадное явление следует отметить и то, что в книге сравнительно немного опечаток. Имеются, например, такие: *krolik* вместо *królik* (стр. 51); *dzmern* вместо *dzmern(n)* (стр. 261); *глинь* вместо *глина* или *гнила* (стр. 254); *yaqtula* вместо *yaqtulu* (стр. 137); *лѣто* вместо *лѣто* или *лето* (стр. 122); *pletě* вместо *plémě* (стр. 253) и др.

³ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, § 3, стр. 8—21.

данному языку взаиморасположение звуков и ударение. Смысловое содержание слова состоит из ряда признаков, сгруппированных в понятие. Понятия изменяются, и вместе с ними изменяются слова. Согласно определению В. И. Ленина, «...человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»⁴.

Именно поэтому в языке изменяются слова, конкретные диалектические единства формы и содержания, вспомогательные виды сообщения, существенные языковые исторически сложившиеся величины, а не какие-то туманные «значения». В пределах слов сгруппированы признаки, составляющие свойственные данному обществу понятия: слова выражают характерные для данного коллектива обобщения.

«...Это единичное совершенно не может быть высказано»...

[Всякое слово (речь)
уже обобщает
ср. Фейербах.]

Чувства показывают
реальность;
мысль и слово —
общее.]⁵

Слова могут выражать предметные понятия, но также и понятия отношений предметов и явлений. В таких языках, как русский, слова, имеющие грамматические формы, могут одновременно выражать лексические и грамматические понятия.

При установлении признаков выражаемого словом понятия нельзя забывать того, что похожие друг на друга понятия разных языков все же могут содержать различные признаки. Поэтому нам может казаться, что какое-нибудь слово чужого языка выражает не одно, а несколько понятий, так как мы привыкли разделять соответственные понятия в своем языке.

Неправы, например, те, которые думают, что древнегреческое слово *θάλασσα* (*θάλαττα*) будто бы имело такие два «значения»: 1) «море» и 2) «морская вода, соленая вода». На самом деле у древних греков существовало особое понятие, выраженное этим словом, — понятие, не совпадающее по своим признакам с нашими понятиями «море» и «морская вода».

Неправы, конечно, и те, которые стали бы утверждать, что в древнегреческом языке будто бы существовало два различных по своим «значениям», но одинаковых по внешности слова *θάλασσα*. Указанные выше «значения», конечно, нужны в словаре для того, чтобы охарактеризовать содержание (основные признаки) древнегреческого понятия, выраженного словом *θάλασσα*.

Таким образом, кроме: 1) материала, 2) фонетической формы, 3) признаков, объединяемых в определенное (для данной ступени развития общества) понятие, 4) способности сочетаться с другими словами для выражения сложных понятий — у многих слов есть еще: 5) этимологическая структура (обнаруживаемое в них самих отношение к другим словам данного языка, «внутренняя форма», по обозначению А. А. Потебни) и 6) грамматическая форма (выражающая определенным образом грамматическое понятие наряду с лексическим).

В конце первой главы (стр. 98) дается такой вывод: «Слово и понятие глубоко между собой связаны, но они не тождественны. Это, конечно, правильно, если под словом понимать только известную звуковую форму. Но автор «Очерков» понимает слово иначе, как видно из его краткого определения (стр. 99): «Слово — это кратчайшее самостоятельное сложное диалектическое и историческое единство материального (звуки, „формы“) и идеального (значение)»⁶.

Нельзя не выразить сожаления также по поводу того, что в разделе о лексикологии и семантике не уделено подобающего внимания области этимологических исследований. А ведь отнесительно этой области в руководстве по языкознанию надо было бы дать правильное представление, потому что именно здесь человеку, мало знакомому со сравнительно-историческим методом, остается много неясного. Именно здесь непонимание сущности сравнительно-исторического исследования приводит ко всякого рода грубейшим ошибкам и заблуждениям.

С этой точки зрения следует признать, что большим достоинством учебника проф. Л. А. Булаховского «Введение в языкознание», ч. II (Учпедгиз, 1953) является наличие в нем особого раздела (IV) «Этимология слов» (стр. 160 и сл.).

⁴ В. И. Ленин, Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии», «Философские тетради», Госполитиздат, 1947, стр. 237.

⁵ Там же, стр. 256.

⁶ В связи с пониманием термина «слово» напомним о существовании специального исследования по истории этого вопроса на украинском языке М. Я. Калиновича — «Поняття окремого слова» («Мовознавство», № 6, Киев, 1935, стр. 123—145).

Так как смысл слова мы не противопоставляем его значению, нельзя признать удачным вопрос: «Как же о с м ы с л я е т с я (разрядка моя. — А. Б.) нами значение того или иного слова?» (стр. 12) вместо: «Что такое значение слова?» или «Что мы понимаем под значением слова?»

Неудачным можно считать замечание (стр. 7): «... нельзя изучать язык в отрыве от способов передачи самой мысли». Оно не помогает читателю уяснить сущность диалектического единства языка и мышления.

Нельзя также вполне согласиться с таким противопоставлением языка и мышления (там же): «Язык оперирует словами и предложениями, мышление — понятиями и суждениями. Абстракции языка не всегда и не во всем совпадают с абстракциями мышления». Ясно, что понятия и суждения могут существовать только в форме слов, словосочетаний и предложений. Нам неизвестны абстракции мышления, т. е. обобщения, понятия, категории, которые могли бы существовать не в названной форме.

Пример с категорией грамматического рода должен свидетельствовать только о том, что данная категория в русском языке стала в отношении всех прочих слов, кроме названий живых существ, формальной, грамматической, а не лексической. Здесь следовало бы подчеркнуть, что отношение языка и мышления можно определить как отношение формы и содержания. Таким образом, упомянутый пример свидетельствует об отставании формы от содержания в языке.

2

Не совсем удачным представляется нам даже самое название второй главы (стр. 100): «Некоторые особенности звуков речи». О каких же особенностях автор решил ничего не говорить в данной главе?

Для популярного очерка следовало бы, конечно, ввести различие между «фонетикой как звуковой системой» данного языка (ср. стр. 101: «Фонетика одного языка, как правило, не похожа на фонетику другого или других языков») и «фонетикой — учением о звуках» (стр. 100). Едва ли можно согласиться с таким утверждением (стр. 102): «Зная русское слово *дом*, легко понять украинское *дiм...*» Если речь идет именно о данных формах названного слова, то русскому, слышавшему в первый раз украинское *дiм*, оно будет столь же непонятным, как, например, *сiм*, соответствующее числительному *семь*. Цитата из «Мартина Идена» (стр. 103) для русского читателя вовсе не является примером того, «как нужно р а б о т а т ь над литературным произношением...» Сбивчивым (на стр. 104) является замечание: «в словах *чай* и *пять* гласный, изображаемый различно, имеет одинаковое фонетическое отражение». Что такое «фонетическое отражение» гласного звука? Разве только «лингвист... обязан уметь тщательно различать буквы и звуки?» (там же).

Неудачным является (на стр. 105) «опыт» с немецким словом *Habe*: во время подобного «опыта» может произойти либо смешение подопытного слова с формой *Hiebe* «удары», либо полное разрушение немецкого слова *Habe*. Так или иначе, но нельзя будет сказать, что «все слово станет звучать от этого странно, но смысла своего не изменит». То же самое произойдет и при эксперименте со словом *ivoire*: оно либо превратится в *ivoire*, либо перестанет существовать как французское слово.

Не хотелось бы затрагивать здесь вопрос о фонеме, но все же нельзя считать, что он изложен в доступной для неискушенного в фонологических дискуссиях читателя форме: «Так различаются в языке не только буквы и звуки, но и в пределах звуков разные их типы — смыслоразличительные звуки, или ф о н е м ы, и не смыслоразличительные звуки, или так называемые варианты фонем» (стр. 105). Как понять читателю, что «в пределах звуков» различаются разные типы звуков, «смыслоразличительные звуки» и т. д.? Если в популярном очерке уместны такие сугубо специальные «псевдотермины», как «фонологическая доминанта» (стр. 106), то мы должны признать, что имеем заведомо превратное представление о популярных очерках.

Не столько облегчающим, сколько затрудняющим понимание является примечание (на стр. 106) о том, «что фонема отнюдь не является единственным фактором, дифференцирующим слова». Автор указывает на то, что «слова различаются прежде всего по своему происхождению, по своему значению, по своей грамматической форме». Возьмем, например, такое сочетание звуков: *пила*. Откуда говорящий по-русски, но не являющийся русистом, может знать о «происхождении» этого сочетания звуков? Он может только связать его с прочими формами либо существительного *пила*, либо глагола *пилы* (то, что существительное *пила* по своему происхождению связано с древневерхнемецким *fihala*, *fila*, а форма глагола *пила* — с корнем форм санскр. *pihāmi*, греч. *πιῶν*, лат. *bibō*, др.-ирл. *ibim* и т. д., — может быть ему совершенно неизвестно и даже неважно). Самое важное для говорящего — это, как форма *пила* связывается с прочими формами в пределах основного вида сообщения, т. е. предложения.

Следовательно, «фонема», «происхождение» слова, смысловое содержание или «значение» слова, «грамматическая форма» слова — это понятия принципиально различные, относящиеся к разным отделам языкознания: в фонетике или фонологии

именно по фонемам различаются всякого рода звуковые комплексы (формы слов, морфемы, синтагмы и пр.). Несомненно уместным было бы указание на различие фонетического и орфографического слогаделения (на стр. 107). Для ясности (там же) надо было сказать, что в ритмомелодике языка тонами называются различные виды музыкального ударения (слогового, словесного, фразового). Утверждение о том, что в истории латинского языка «наблюдается переход от силового ударения к музыкальному» (стр. 108), является в высшей степени спорным: именно для исторической эпохи развития этого языка несомненным можно считать установление динамического словесного ударения такого типа, как в испанском и итальянском языках.

Неточной также является ссылка на немецкий язык как на язык со «смешанным» (неудачный термин!) ударением: музыкальный характер словесного ударения в нем еще не доказан. Полное недоумение вызывает соединение в одном параграфе второй главы (§ 3) столь различных явлений, как «ритмико-мелодический рисунок речи (интонация)» и «явления ассимиляции и диссимиляции звуков». Неясно изложен вопрос об «интонации», потому что не указано, каково отношение «интонации» к «музыкальному ударению» (слова и предложения). С одной стороны, «интонация» противопоставляется «ударению», а с другой стороны, она же включается в «ударение» (стр. 112—113) путем противопоставления «двух типов интонации».

Теория дифтонгов изложена по Л. В. Щербе (стр. 116—117), но хорошо было бы упомянуть, что существует и противоположный этому взгляд. Неудачным является выражение: «последующий звук.., уподобляя себе предшествующий.., создает ассимиляцию» (стр. 117). Непонятно (там же) выражение: «общий принцип глухих согласных». Со стороны стилистической нехорошо такое утверждение: «ассимиляция очень часто отражается и в орфографии, вытесняя ранее бытовавшие в ней написания» (стр. 119).

В высшей степени уместным в популярном очерке является параграф о звуковом фонетическом законе (§ 4 второй главы), но его не следовало бы соединять с вопросами о графике и орфографии. Вторая часть упомянутого параграфа, повидимому, озаглавлена неточно: «Фонетика, орфография и история языка». Вероятно, лучше было бы написать здесь «история письма». Неудачны примеры «фонетической транскрипции» на стр. 127: во-первых, в них отсутствует обозначение ударения, во-вторых, громоздко передана долгота согласного (ðð), в-третьих, отсутствует обозначение редукции гласного в послеударном слоге.

Конечно, говоря о «звуковом законе», уместно было бы указать на то, что исключения из него объясняются взаимодействием составных частей языка (например, взаимодействием парадигм, грамматической аналогией) и соприкосновением и взаимодействием языков (заимствованиями и пр.). Об этом не сказано с необходимой для популярного очерка ясностью.

Совершенно не удовлетворяют нас беглые замечания об истории письма (стр. 128—129). Очки на вывеске оптического магазина вовсе не могут служить примером «идеографии» — это скорее всего именно «пиктография». Примером идеографии в условиях окружающей нас действительности могут служить цифры и некоторые другие математические знаки. Неправильным является утверждение (там же) о том, что так называемое слоговое письмо «основывалось на членении слова на слоги»: слоговое письмо передавало не только собственно слоги, но и иные (часто гораздо более сложные, чем слоги) сочетания звуков (ср., например, элементы слогового письма в Египте, в Месопотамии, на Крите).

Неудачен термин «идеографически-иероглифическое» письмо (там же). Образцов последовательного идеографического письма мы не знаем (без элементов фонетического письма): древнеегипетское иероглифическое письмо, ассиро-вавилонская клинопись, китайское письмо наряду с настоящими идеограммами содержат фонетические знаки (т. е. передающие не понятия, а именно слова данного языка); их лучше всего называть «идео-фонетическими» системами письма. Выражение «абстрактные представления» вместо «абстрактные понятия» нельзя признать уместным (стр. 129).

Не будем дальше излагать отдельные критические замечания, но выскажем только пожелание о том, чтобы во втором издании «Очерков» эта вторая глава была бы значительно усовершенствована. Никак нельзя признать, что фонетика принадлежит к тем разделам языкознания, которые хорошо известны неспециалистам. Нелегко, конечно, кратко и просто изложить основы современной нам фонетики, но в популярном очерке такое изложение необходимо. Этого еще не удалось сделать Р. А. Будагову. Следовало бы, конечно, подчеркнуть, что из всех областей языкознания именно фонетика своими экспериментально-инструментальными методами исследования наиболее приближается к точным наукам.

3

Наименее нас удовлетворяет пятая глава — «Развитие языков и их классификация», а внутри этой главы § 2 «Генеалогическая классификация языков и сравнительно-исторический метод в языкознании» (стр. 251—267).

Из этой главы читатель не вынесет правильного представления о сравнительно-

историческом языкознании и о сравнительно-историческом методе. А ведь даже на трех-четырёх страницах можно было бы дать характеристику той совокупности приемов исследования, которая называется сравнительно-историческим методом.

Можно было бы указать: 1) на различие между универсальным методом исследования — марксистским диалектическим методом — и специальным методом или совокупностью приемов исследования языкового материала; 2) на то, что сравнительно-исторический метод дает возможность сравнивать в исторической перспективе не только отдаленно родственные языки, близко родственные языки, диалекты общенародного языка, но и факты одного и того же языка на разных ступенях его развития; 3) на то, что понятие родства языков является обязательным для сравнительно-исторического языкознания и что это родство может быть установлено только на основе названного метода; 4) на то, что в отличие от сопоставительного метода (при изучении неродственных языков) для сравнительно-исторического метода характерно сравнение грамматического строя и словарного состава языков с учетом их изменения, их истории; 5) на то, что для сравнительно-исторического метода характерно: установление соответствий в области фонетики, морфологии и синтаксиса между родственными языками; восстановление фактов и явлений с учетом относительной и безотносительной (документально-подтверждаемой) хронологии; сравнение не отдельных слов и форм слов, но слов и форм, являющихся частями какой-либо системы (парадигмы) в пределах сопоставляемых языков. Нужно было бы, наконец, указать на те неудобства, которые имеются в применении сравнительно-исторического метода: неполнота и пестрота (различное качество) материала, которые не дают возможности сочетать относительную хронологию с безотносительной, субъективизм при расположении фактов в порядке относительной хронологии, неразработанность основ семантики и синтаксиса.

Конечно, в вопросе об установлении родства языков надо было бы на первое место поставить сравнение в исторической перспективе грамматического строя языков, а не словарного состава их.

Теперь еще несколько менее принципиальных замечаний. На стр. 252 говорится о том, что «индоевропейские языки распадаются на 12 групп». Так ли это? Если следующий ниже перечень считать «группами», то их будет больше: 1) индийская, 2) иранская, 3) тохарская, 4) анатолийская (хеттский клинописный язык и др.), 5) армянская, 6) фракийская, 7) албанская, 8) иллирийская, 9) греческая, 10) итальянская, 11) романская (происходящая от латинского языка итальянской группы), 12) кельтская, 13) германская, 14) балтийская, 15) славянская.

Неясно, что имел в виду автор, утверждая (на той же странице), что историческое развитие языка «определяется общественной природой языка».

Повидимому, нет достаточных оснований утверждать, что такие слова, как румынские *taie* и *mată*, «славянского происхождения» (стр. 255), потому что подобные же образования (например, греч. *τάτα*, *μάμη*) встречаются не только в славянских языках.

В испанском языке *lecho* (< лат. *lectus*) — бытовое слово («постель»), и оно не вытеснено словом *cama* («кровать»), ср. греч. *χρῆμα*.

Степени родства языков, по нашему мнению, лучше называть — «близкое родство» и «отдаленное родство», чем — «прямое» и «опосредствованное» (там же).

Слово *ród* в польском языке не обозначает «фамилия» и вообще выражает то же понятие, что в русском слово *род*.

Отсутствие примеров из области морфологии в том месте, где речь идет о грамматическом строе языков (стр. 256—257), очень вредит пониманию родства языков. «Материальная общность языков» остается чем-то неопределенным, а ведь достаточно было бы вспомнить спряжение глагола *быть* в различных индоевропейских языках (например, хет. *esmi*, санскрит. *asmi*, др.-перс. *ahmi*, ст.-лит. *esmi*, ст.-слав. *ѣсмь*, аттич. *εἰμι*, лат. *sum*, гот. *im* и т. п.) для того, чтобы стало ясным читателю общее происхождение не только корня **es-* *s-*, но и личного окончания **-mi*, а также всей парадигмы спряжения индоевропейских языков.

На стр. 257, очевидно, опечатка: вместо слова *факт* напечатано *фактор* («фактор односложности»).

На стр. 258 по недоразумению сочетание слов *дочь художника* названо «предложением» (вторая строка сверху). А между прочим, действительно, для сравнения родственных языков лучше было бы взять не сочетание слов, а именно предложение.

К сожалению, нам неизвестно, кого именно имеет в виду автор «Очерков», когда пишет: «Следовательно, широко распространенное в современной западноевропейской и американской лингвистике положение о том, что при определении родства языков лексика не имеет никакого значения, что все определяется только грамматикой, нужно признать ошибочным» (стр. 259). Если речь идет, например, об антиисторическом понимании родства языков («приобретенное родство») в статье Н. С. Трубецкого⁷, то это понимание нельзя считать «широко распространенным».

⁷ N. S. Trubetzkoy, Gedanken über das Indogermanenproblem, «Acta Linguistica», vol. I, fasc. 2, Copenhagen, 1939, стр. 81—89.

Надо сказать, что Р. А. Будагов, очевидно, склонен отдавать предпочтение в вопросе о происхождении индоевропейских языков «теории волн» Иоганнеса Шмидта и ставить под сомнение возможность существования индоевропейского «языка-основы». Так надо, видимо, понимать следующее высказывание: «... в то время как непосредственно родственные языки обычно прямо происходят из единого источника (языка-основы), языки, связанные между собой опосредствованным родством (например, индоевропейские языки в целом), одного источника могут и не иметь, развиваясь из нескольких источников» (стр. 259).

Пожалуй, эта мысль является слишком важной для сравнительно-исторического языкознания вообще, чтобы высказывать ее между прочим и без надлежащей аргументации. Получается так, что родство славянских языков — это родство историческое, а родство, например, славянских языков и романских — это только «схождение», приобретение общих черт в процессе взаимодействия этих языков. Тогда почему не сказать, что грамматический строй данного языка может сложиться в результате взаимодействия разных неродственных языков? Это в высшей степени сомнительно.

Не совсем четко определено отношение так называемой генеалогической классификации и морфологической (типологической) классификации языков (стр. 261—262). Надо было бы с самого начала сказать о том, что эти классификации представляют два совершенно различных подхода к рассмотрению языков мира. Генеалогическая классификация обозначает только указание на общность языков по их происхождению (поэтому при отсутствии установленного родства с другими языками языки остаются «не классифицированными»), типологическая же классификация может вовсе не учитывать происхождения и вообще истории языков: она основана только на сходствах и различиях грамматического строя языков в определенном их состоянии, только на данной ступени их развития.

Поэтому необоснованным остается требование, предъявляемое к типологической классификации на стр. 261: «Классификация языков по их морфологическому типу пока не совсем удастся, так как невозможно установить, в какой последовательности развивались эти морфологические типы». Последовательность изменений представляется важной там, где речь идет об истории. То, что из различия типов грамматического строя языков делали неправильные выводы о развитии типов, не является недостатком типологической классификации. Также и тот факт, что некоторые исследователи неправильно применяют сравнительно-исторический метод, не умаляет достоинств самого метода.

Какое-то недоразумение кроется, вероятно, в таком утверждении: «Китайский язык, хотя и не имеет большого количества флективных форм...» (стр. 261). В статье проф. Н. И. Конрада «О китайском языке»⁸, на которую ссылается автор, насколько мы понимаем, о «флективных формах» современного китайского языка ничего не говорится: морфологическая членность слов и их флективность, конечно, далеко не одно и то же.

Мы не можем согласиться с категорическим утверждением (на стр. 264), что «недостатки» сравнительно-исторического метода «действительно очень значительны». То, что дальше говорится об этих «недостатках», относится вовсе не к методу, а к тем, которые не умели применять его в своих исследованиях или неправильно его применяли. Нельзя, например, упрекать палеонтологов в том, что они по зубам ископаемого животного определяют, к какому отряду какого класса принадлежало животное, но не могут определить, было ли съедобным его мясо. Вина тут не метод сравнительной анатомии, а характер материала. Нельзя признать недостатком сравнительно-исторического метода, например, то, что «при помощи» его «далеко не все явления родственных языков могут получить объяснение» (стр. 265).

Не стоило бы приводить примера невозможности восстановления конечного *m* винительного падежа форм *portam* и *murum*: ведь о восстановлении того, что не оставило следов в языке, не может быть и речи. Мы ведь не предлагаем, например, восстановить формы двойственного числа в спряжении латинских глаголов, но зато мы на основании фактов других языков (например, санскрита, литовского, древнегреческого, старославянского, готского) знаем, что в древнейшем состоянии индоевропейских языков такие формы должны были существовать. Само собой разумеется, что пределы восстановления фактов зависят от сохранности материала. Однако это нельзя назвать недостатком данного метода.

Поэтому мы полагаем, что (на стр. 266) автору следовало бы в нижеследующей цитате вместо «не только» сказать «не столько»: «Недостатки сравнительно-исторического метода определяются, таким образом, не только самим методом, но и своеобразием того материала, к которому этот метод применяется».

По нашей обязанности критика мы, естественно, обращаем внимание на то, с чем мы в «Очерках по языкознанию» не можем согласиться. Однако наряду с этим мы хотим

⁸ См. Н. И. Конрад, О китайском языке, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 45—78, особенно выводы на стр. 77—78.

подчеркнуть и то, чего, по нашему мнению, недостает и что являлось бы там совершенно уместным.

На стр. 8 совершенно правильно говорится о сопоставлении родственных языков как о способе обнаружить их особенности, но сопоставление может в этом смысле оказаться полезным и при рассмотрении неродственных языков. Если же речь идет о сравнении родственных языков, то следует подчеркнуть важность сравнения языков в исторической перспективе, с учетом изменений грамматического строя и словарного состава. Отсюда станет понятным и значение сравнительно-исторического метода в отличие от просто сопоставительного метода исследования.

Отсутствие особой главы о сравнительно-историческом языкознании и сравнительно-историческом методе значительно обедняет «Очерки по языкознанию». Наше советское языкознание в настоящее время немыслимо без такой своей составной части, в которой наилучшим образом осуществляется требование историзма, исторического подхода к фактам и явлениям языка. Само собой разумеется, что оно не может ограничиваться описанием языков, хотя в области описания языков наиболее наглядно теория сочетается с практикой.

Р. А. Будагов совершенно последовательно не включил в свое изложение основ науки о языке сведений по истории этой науки. Исключение представляет только глава четвертая «Происхождение языка», где такие сведения по самому существу вопроса являются необходимыми. Сами по себе эти сведения по истории могли бы составить содержание другой книги не меньшего сравнительно с «Очерками» объема. Но в «Очерках» — это самая небольшая глава. Естественно, что при незначительном объеме данной главы трудно было изложить в ней историю такого сложного и отчасти выходящего за пределы языкознания вопроса. Автору удалось показать, что решить вопрос о происхождении человеческой речи возможно, как на это указали классики марксизма-ленинизма, только на основании данных палеонтологии, антропологии, этнологии, психологии, истории и других наук в сочетании с данными языкознания.

Мы не можем также не отметить, что, по нашему мнению, недостатком в целом интересной и полезной книги Р. А. Будагова является то, что в ней не рассматривается проблема методов или приемов исследования языков. Этот существенный вопрос остался в тени, а между тем именно он должен интересовать пытливого читателя. Отсутствие ясных указаний на приемы исследования дает о себе знать особенно в третьей главе («Грамматический строй языка»). Из-за того, что нет этих указаний, изложение (вообще легкое и живое) местами становится догматичным.

Большинство вопросов, рассматриваемых в рецензируемом труде, конечно, относится к области описательного языкознания, но это обстоятельство не устраняет сказанного о желательности дать в книге учебного характера представление о методах или приемах исследования языков. Слишком многое зависит от них и в этой области. Мы хотели бы найти здесь ответ хотя бы на один вопрос: какие существуют приемы описания грамматического строя языка в данной его разновидности и на данной ступени его развития?

В связи с этим находится также ответ на вопрос: в чем заключается различие между школьной, нормативной, традиционной и собственно научной описательной грамматикой? Несомненно, ответить на этот вопрос нельзя без обращения к истории. Здесь можно было бы рассказать, чем отличается, например, «Грамматика» Дионисия Фракийца, учебник синтаксиса Аполлония Дискола, «Ars grammatica» Элия Довата и «Institutiones grammaticae» Прискиана и т. п. от современной нам «Грамматики русского языка», составленной сотрудниками Института языкознания АН СССР (М., 1952).

Мы здесь, конечно, намеренно предлагаем для сравнения с учебниками античных филологов «Граматику русского языка» как в большей мере отражающую достижения современного нам советского языкознания, чем, например, «Древнегреческий язык» С. И. Соболевского (1948) или «Грамматика латинского языка» (1938) того же автора.

Именно в наши дни следует пожалеть о том, что в «Очерках по языкознанию» так мало внимания уделено сравнительно-историческому языкознанию, сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, особенностям сравнительно-исторического метода. Об этом последнем сказано только в связи с так называемой генеалогической классификацией языков (стр. 251—267).

Здесь, конечно, нет необходимости еще и еще раз говорить об исключительной важности сравнительно-исторического метода для общего языкознания. Можно, однако, указать на то, что в нашей новой учебной литературе, как это ни странно, основы сравнительно-исторического языкознания излагаются все еще мимоходом и далеко не удовлетворительно. Нет ничего удивительного в том, что в учебнике 1945 года⁹ о сравнительно-историческом языкознании и о сравнительно-историческом методе не дано ясного понятия, но нельзя не удивляться тому, что в книге проф. А. С. Чико-

⁹ См. Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, М., Учпедгиз, 1945 (ср. §§ 63 и 88).

бава «Введение в языкознание» (ч. I, М.; два издания — 1952 и 1953 гг.) об этой важнейшей отрасли языкознания говорится только между прочим и опять-таки лишь в связи с генеалогической классификацией языков (см. стр. 191—198).

Само собой разумеется, что сравнительно-исторический метод важен не только потому, что на основании его удалось доказать родство индоевропейских и других языков. Этот метод важен особенно потому, что, опираясь на него, можно установить законы или закономерности развития языков. Установление же их является главной задачей языкознания¹⁰.

Вообще проблема законов и закономерностей в развитии языков, к сожалению, далеко недостаточно освещена в «Очерках». Она, конечно, не сводится только к «вопросу о звуковом законе» (см. стр. 122 и сл.). А между тем было бы очень желательным и ценным, если бы автор книги высказал бы свое мнение о том, что называть законом или закономерностью в языкознании, в чем отличие законов развития языка от законов развития иных общественных явлений.

Советские языковеды, естественно, немало уже успели высказать соображений по поводу того, что следует различать общие законы развития всех языков и законы развития таких-то семейств, групп и отдельных языков.

Сделанные здесь замечания о некоторых недостатках в целом интересной книги проф. Р. А. Будагова вовсе не означают того, что мы не можем рекомендовать ее учащейся молодежи. Мы приветствуем инициативу, проявленную автором «Очерков по языкознанию» в деле популяризации некоторых разделов общего языкознания. Мы надеемся, что высказанные здесь соображения помогут впоследствии сделать автору эту свою книгу еще более полезной во втором ее издании. Для нас самое главное то, чтобы читатель рассмотренной книги правильно понял, каковы наиболее важные проблемы в области языкознания, какими средствами располагает эта наука для решения своих основных задач, что составляет содержание ее основных разделов.

У читателя «Очерков по языкознанию» может остаться превратное представление о том, что в центре всех проблем современного нам языкознания находятся проблема слова и его «значений» и проблема грамматических категорий. Поэтому автор поступил бы правильнее, если бы точнее определил место тех проблем, которые он подробно рассматривает в своей книге среди прочих наиболее важных вопросов науки о языке.

А. А. Белецкий

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах).—Изд. АН СССР, 1953. 93 стр. (Ин-т языкознания.)

Создание трехтомного «Словаря современного русского литературного языка» явится событием большого научного и общественного значения. Вопросами языка интересуются в нашей стране не только ученые-языковеды, но и представители самых разнообразных профессий, люди разного возраста и образования. Нормативный толковый словарь, настольная книга каждого культурного человека, является необходимым орудием развития и совершенствования культуры устной и письменной речи.

Последний полный академический словарь вышел более ста лет тому назад¹. Начатый в конце XIX в. большой академический словарь не был доведен до конца, план его несколько раз менялся; нормативным был только первый том, который редактировал акад. Я. К. Грот (буквы А — Д)².

Вышедшие в советское время два толковых словаря русского литературного языка не могут полностью удовлетворить всех запросов современного читателя. Первый из этих словарей — четырехтомный, под ред. Д. Н. Ушакова³ — охватывает большое количество слов и выражений (около 90 000 слов). Выдающийся лексикографический труд для своего времени, словарь этот в настоящее время в значительной своей части устарел. Однотомный словарь С. И. Ожегова⁴ отражает современное

¹⁰ См. И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 33—34.

¹ «Словарь перковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. акад. наук», СПб., 1847.

² «Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. акад. наук», т. I, СПб., 1895.

³ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, М.: 1-е изд.—1935—1940; 2-е фотоофсетное изд.—1947—1948.

⁴ «Словарь русского языка», сост. С. И. Ожегов, М., Изд-во иностр. и нац. словарей: 1-е изд.—1949; 2-е изд.—1952; 3-е изд.—1953.